

В «Майерлинге» самое динамичное — любовь кронпринца

В балет — с верой!

Ян Смирницкий

С таким значением подчеркивалось, что Королевского балета Великобритании не было в России с 1987 года! Боже, как много мы потеряли. И вот англичане уехали, так и не став для Москвы серьезным культурным событием.

В мире так много непонятных вещей, неизвестно почему возникающих и неизвестно как существующих. Орган во всей полноте его открыл Бах, так иные «веды» свято убеждены, что на Бахе органное строительство и завершилось. Поэтому первым и единственным свидетелем баховской музыки был сам Бах, слушать ее мы не сможем уже никогда, можем только верить в нее, вера — одно лишь, что у нас есть. То же с космосом. С Королева и теоретиков до него, с алчностью поэта подошедших к делу, космос начался и ими же завершился. Нет этим вещам здравого объяснения, зачем они были, на какие мысли настраивали, кого пугали, а кого влекли за собой. Только вера. Веришь — не веришь. Все. Был орган — был Бах, был космос — был Королев...

Думаю, с балетом примерно так же. Вот англичане привезли с собой несколько лучших спектаклей от Ковент-Гарден. И что? А ничего. Московская публика встретила дорогих гостей достаточно прохладно, чтобы те это заметили. Партера Большого хватало на самый-самый минимум приличия, а потом граждане разбежались в секунду. Неужели так плохо? Умная зрительница за моей спиной очень точно определила, вздыхая: «Наш балет за душу берет, а это... легкая развлекалочка». Я не сторонник подобных замечаний и считаю, что ни при каких ситуациях нельзя делить искусство по национальному признаку, путая себя и других в «ментальных ощущениях». Возможно, что и балет был когда-то создан на одного человека, наиболее полно его объяввшего, но эту историю я не смогу вам рассказать.

А здесь история другая, со спектаклем «Майерлинг» от Королевского балета Великобритании. Его постановщика, ныне покойного господина Кеннета

Макмиллана, в Англии стараются очень чтить, других-то не было. Музыка балета шикарная — самого Ференца Листа. Музыка заглушает танец. Слушаешь — и понимаешь, что подобный хореографический рисунок по сравнению с ней убог и невыразителен. По крайней мере в «Майерлинге» есть очень конкретная музыка. Танец тоже понятен: кронпринц Австро-Венгрии Рудольф (Йохан Кобборг) часто любит (очень реалистично) и часто стреляется, перед этим балуясь морфием.

Наверное, этот слезоточивый и мыльный «Майерлинг» можно было бы назвать женским спектаклем. Но и женщинам после второго антракта было невыразимо скучно. Все есть — великолепнейшие костюмы, поистине драматическая игра каждого танцовщика. Но нет танца.

Где балет? Исключительно здорово стилизованные под балет сцены любви на полу? Кронпринц, стаскивающий с бесконечных любовниц куски одежды так и сяк, кронпринц, не расстающийся почти с начала повествования с пистолетом, так что думаешь: когда же он наконец застрелится? Для кого это все сделано? Для «сытых тупых бюргеров»? Целый выводок богатых немцев передо мной сидели, они даже не похлопали в конце.

Нет, очень странные дела с этим Ковент-Гарден. Такое впечатление, что театр специально консервирует свою добротную традиционность, чтобы не проиграть в веках. Мол, зашивайтесь сами с вашим авангардом, а у нас все по-писаному — золото, парча, масло и кожа на декорациях, убийственные балльные платья за сумасшедшие деньги. Пусть так. В Москве все это поняли, но не вдохновились.

Но даже сейчас, при таком царящем якобы жестком и практичном взгляде на вещи, зал раскатывался в аплодисментах, ког-

да видел живую душу. Это было до «Майерлинга» — на «Вечере одноактных балетов» на музыку Элиаса, Стравинского и Малера. В Стравинском вдруг неожиданно из фигурок кордебалета выпорхнула танцовщица Мияко Йошида в воздушном желтом платье, солнечный нарцисс. И быстро-быстро на пальцах... Публика сразу уловила воздух, сразу зал поменялся из полусонного в кислородный. Ох как это заметно. Скажу лишь, что балет на Стравинского ставил Фредерик Антон, а мастером по свету был Джон Б. Рид, там это очень важно.

А Малера москвичи просто проигнорировали. Иные музыканты, говоря о Малере, часто легонечко намекали на то, что мастер был не всегда в ладах с музыкальной формой. Люди привыкли к обычному развитию пьесы, осознают, что финал должен быть такой, а не иной. А когда в завершении Шестой песни о Земле следует несколько моментов, очень напоминающих «вот-вот», а танцоры снова выходят, и певица снова показывается из-за кулис с папочкой — тут уж люди чуть не в остервенении стали скрежетать зубами. Малер всегда пилил дуну, а если под него еще и балет поставит талантливо...

Да, это был самый выдающийся день Ковент-Гарден в Москве, когда он предъявил миру «Песнь о Земле» Густава Малера на стихи средневековых китайских поэтов. Хореография Кеннета Макмиллана, партию Тибетца смерти исполнил Карлос Акоста. Это восторженная черная хореография при нуле декораций, обилии пауз и голосе донны-певицы. Страшный сон, полный чуждых этому миру откровений, наверное, Макмиллан здесь не столько верил в балет, сколько поверил Малеру. И подарил нам кусочек своего бессмертия.